

УДК 342**ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ЗА ЕГО ИСПОЛНЕНИЕМ СУДОМ
В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ
ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ****Павлюк Владимир Вячеславович,**магистрант 2 курса ОФО, КрФ ФГБОУВО РГУП, г. Симферополь, Россия,
vovanpavlyuk666@gmail.com**Аннотация**

Научная новизна исследования заключается в сравнительно-правовом анализе завершающей стадии административного судопроизводства — контроля за исполнением судебных решений против публичной администрации, что является малоизученной темой в отечественной доктрине. Автор выявляет и систематизирует принципиальные различия между континентальной (Германия, Франция) и англосаксонской (США, Великобритания) моделями, определяемые глубиной судебного вмешательства и объемом полномочий суда по обеспечению исполнимости своих актов. На основе этого анализа формулируются предложения по совершенствованию российского административного процесса через интеграцию стадий вынесения решения и контроля за его исполнением, включая введение специальных процессуальных инструментов для судебного сопровождения.

Ключевые слова: Административное судопроизводство, исполнение судебных решений, судебный контроль, сравнительно-правовой анализ, астрент.

**THE ADOPTION OF JUDICIAL DECISIONS AND CONTROL OVER THEIR
ENFORCEMENT IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN FOREIGN
STATES: A COMPARATIVE LEGAL STUDY****Pavlyuk Vladimir Vyacheslavovich,**Second-year Master's student, Crimean Branch of the Russian State University of Justice (RSUJ)
Simferopol, Russia,
vovanpavlyuk666@gmail.com**ABSTRACT**

The scientific novelty of the publication lies in its comparative legal analysis of the final stage of administrative proceedings — judicial control over the enforcement of court decisions against public administration, which is an understudied topic in Russian legal doctrine. The author identifies and systematizes fundamental differences between the Continental (Germany, France) and Anglo-Saxon (USA, UK) models, determined by the depth of judicial intervention and the scope of the court's powers to ensure the enforceability of its acts. Based on this analysis, proposals are formulated for improving the Russian administrative process through integrating the stages of

adjudication and enforcement control, including the introduction of special procedural instruments for judicial supervision of enforcement.

Keywords: administrative proceedings, enforcement of court decisions, judicial control, comparative legal analysis, astreinte.

В современном правовом государстве эффективность судебной защиты прав граждан в спорах с публичной администрацией определяется не только беспристрастностью рассмотрения дела и законностью вынесенного решения, но и реальной, а не декларативной, возможностью его принудительного осуществления. Процессуальный финал в виде вступившего в силу судебного акта зачастую становится лишь началом сложного диалога между судебной властью, издавшей предписание, и исполнительной властью, обязанной его реализовать. Именно на этой завершающей стадии – стадии контроля за исполнением – со всей остротой проявляются фундаментальные вопросы о пределах судебного вмешательства в деятельность государственного аппарата, о балансе между принципом состязательности и необходимостью обеспечить действенность правосудия, а в конечном итоге – о самом *credo* административной юстиции как гаранта прав личности перед лицом государства. Однако если процедуры принятия судебных решений в административном процессе являются традиционным предметом сравнительно-правового анализа, то последующая фаза контроля за их реализацией остается в отечественной доктрине областью, освещенной явно недостаточно, особенно в ее сравнительном измерении.

«Организация системы административного судопроизводства в странах континентального права имеет в своей основе длительные исторические и правовые традиции, что и предопределило особенности процессуально-правовых полномочий суда по рассмотрению и разрешению юридических дел публичноправового характера»[1, с. 30].

Актуальность настоящего исследования продиктована целым комплексом теоретических и практических факторов. В теоретическом плане изучение зарубежных моделей контроля за исполнением судебных решений позволяет выйти за рамки догматического описания процессуальных норм и приблизиться к пониманию глубинных ценностных и функциональных основ разных правовых систем. Активен ли суд в роли «стража публичного интереса», продолжающего курировать исполнение своего веления, или он строгий нейтральный арбитр, чья миссия завершается с провозглашением резолютивной части? Ответ на этот вопрос раскрывает существенные различия между континентальной и англосаксонской философией публичного процесса. На практическом уровне возрастающая динамика трансграничных взаимодействий и гармонизация стандартов прав человека, в частности, права на эффективное средство правовой защиты, закрепленного в статье 13 Европейской конвенции о защите прав человека, требуют от национальных правовых порядков выработки таких механизмов, которые гарантировали бы не просто формальное, а фактическое восстановление нарушенного права. Сравнительный анализ инструментов, используемых, например, судами Германии для обеспечения повиновения администрации своим решениям, или специфических санкций за неуважение к суду в американской системе, предоставляет ценный эмпирический материал для критической рефлексии над эффективностью отечественных процедур.

Таким образом, актуальность работы заключается в попытке восполнить существующий пробел, обратив внимание на финальный, но критически важный элемент административной юстиции. Изучение того, как решается дилемма между уважением к автономии исполнительной власти и требованием безусловной авторитетности судебного

акта в различных правовых культурах, представляет не только академический интерес. Оно имеет прямое прикладное значение для возможного совершенствования процессуального законодательства, судебной практики и, в конечном счете, для укрепления доверия граждан к способности правосудия выступать действенным сдерживающим фактором для административного произвола. В конечном итоге, сила права проверяется не в момент его провозглашения, а в момент его воплощения в жизнь, и именно на этой проверке сосредоточено настоящее исследование.

В рамках сравнительно-правового исследования роли суда в обеспечении исполнимости своих актов в административном судопроизводстве зарубежных государств центральной рабочей гипотезой может стать предположение о фундаментальном влиянии процессуальной модели на данный институт. В странах, относящихся к континентальной (функциональной) семье, где на суд возложена обязанность активного установления фактических обстоятельств и отстаивания публичного интереса (что типично, к примеру, для ФРГ и Франции), процессуальный контроль за реализацией судебных решений обретает длящийся и инициативный характер. Здесь юрисдикционный орган не ограничивается одним лишь разрешением конфликта, а принимает на себя обязательство по действительному восстановлению нарушенного правопорядка. Данная особенность находит воплощение в наделении суда специальными прерогативами: самостоятельно мониторить ход исполнения, истребовать от административных органов отчетную документацию и задействовать гибкие принудительные механизмы. В противоположность этому, в рамках состязательной (прецедентной) модели, присущей США и Великобритании, суд традиционно выступает в роли нейтрального посредника между участниками процесса. Эта функция автоматически переносится и на этап приведения судебного акта в исполнение: инициирование контрольных и принудительных процедур оказывается главным образом в ведении лица, в пользу которого вынесено решение, а суд реагирует лишь на соответствующие ходатайства, применяя типовые процессуальные формы, нередко заимствованные из гражданского судопроизводства. Подобное расхождение способно обусловить неодинаковую эффективность и оперативность судебной защиты прав частных лиц против государства, порождая различные процессуально-практические затруднения.

Руководствуясь выдвинутой гипотезой, логично выстроить композиционную структуру статьи по принципу поступательного перехода от аналитической части к синтезу и последующей критической оценке. На первом этапе предстоит обнаружить и осуществить доктринальное упорядочение существующих в сопоставляемых правовых системах вариантов судебного мониторинга исполнительской стадии. Имеется в виду не простое перечисление юридических средств, а углубленное исследование их правовой сущности и позиции в общей доктрине административной юстиции каждой страны: рассматривается ли подобный контроль как логическое продолжение судебной охраны публичного интереса либо как формальное завершение состязательного разбирательства. Указанный анализ создаст фундамент для последующей операции – детального сопоставления объема усмотрения (дискреции), которым наделены суды. Ключевой здесь становится постановка вопроса: вправе ли суд по собственной инициативе вновь обратить внимание на дело после оглашения вердикта, стремясь обеспечить его реальную действенность, либо он «забывает» о производстве вплоть до момента поступления жалобы заявителя на бездействие. Сравнительное изучение таких инструментов, как судебные предписания с условием периодической отчетности, астренты (штрафные санкции за неисполнение в пользу выигравшей стороны), констатация факта неуважения к суду, а равно специальные иски о принуждении к исполнению, позволяет увидеть, каким образом

процессуальные традиции конструируют баланс между судебной властью, исполнительной властью и инициативой частного субъекта.

Завершающей интегративной задачей исследования выступает оценка практической действенности и системных последствий выявленных моделей. С теоретической точки зрения, инициативный вариант сулит более высокую степень гарантированности исполнения, однако сопряжен с расходом судебных ресурсов и способен создавать трение во взаимоотношениях с публичной администрацией, ставя вопрос о границах судейского проникновения в сферу исполнительной деятельности. Состязательная же модель, напротив, демонстрирует уважение к самостоятельности сторон и пределам судейской власти, но при этом рискует превратить защиту прав в фикцию, перекладывая все издержки и риски, связанные с пассивностью, на лицо, уже пострадавшее от неправомерных действий, – гражданина. Следовательно, итогом работы призвано стать не просто контрастирование, но взвешенное размышление о путях достижения компромисса между эффективностью правосудия, принципом состязательности и доктриной разделения властей в различных правовых культурах. Подобное исследование не только описывает иностранные наработки, но и формулирует аргументированные предложения для дискуссий о модернизации отечественного административного процесса, избегая механического копирования и учитывая глубинные основы правовых институтов.

Методологическая корректность компаративистского правового исследования, от которой зависит достоверность его окончательных выводов, предопределяется осознанным и обоснованным отбором объектов для сравнения. Анализируя такой институт, как судебный мониторинг исполнения актов административной юстиции, необходимо подбирать национальные правовые порядки, руководствуясь строгой логикой, нацеленной на обнаружение системообразующих факторов, конституирующих изучаемую процедуру. В этой связи выбранная методология, опирающаяся на проверку гипотезы о детерминирующем влиянии типа процессуальной формы и степени специализации судебной системы, предполагает конструирование контрастных пар правовых порядков с последующим добавлением дополнительного релевантного кейса. Такой подход создает необходимые предпосылки для многомерного анализа, позволяющего отделить универсальные тенденции от специфических национально-правовых особенностей.

Для исходного, базового сопоставления, которое продемонстрирует расхождения между главными правовыми семьями современности, рационально выбрать Германию и Соединенные Штаты Америки. Германия представляет собой эталонную модель континентальной системы с мощной, независимой ветвью специализированных административных судов, чья деятельность пронизана функциональным (следственным) началом. Немецкий суд в административном процессе концептуально ориентирован на материальную правду и защиту публично-правового порядка, что закономерно предполагает наличие у него инициативных полномочий по отслеживанию реализации своих предписаний.

США, напротив, являются классическим примером страны общего права, где судебный контроль за администрацией осуществляется судами общей юрисдикции в рамках предельно состязательной процедуры.

В американской правовой доктрине «действовало положение, согласно которому рассмотрение и разрешение публично-правовых споров осуществлялось только судами путем принятия решений, имеющих характер прецедента. В силу ст. 3 Конституции США суды наделены компетенцией по рассмотрению и разрешению любых правовых споров, в том числе публично-правовых. С принятием в 1946 г. Федерального закона «Об административной процедуре» компетенцией по рассмотрению и разрешению публично-правовых споров помимо судов общей юрисдикции были наделены специализированные

административные органы (административные трибуналы)» [2, с. 41]. В США суд — арбитр в споре частного лица и государства, а не активный защитник публичного интереса по должности. Сравнение этих двух систем позволит в чистом виде выявить, как базовые процессуальные философии — функциональная и спорная — детерминируют подход к контролю за исполнением судебного акта (решения), начиная от возможности суда самому запросить отчет об исполнении и заканчивая природой санкций за неисполнение.

Для углубления анализа в рамках континентальной традиции и понимания вариативности внутри нее ключевым представляется включение Франции. Французская модель, с ее исторически обособленной и элитарной административной юстицией во главе с Государственным советом, демонстрирует иной акцент. «Французская модель административного судопроизводства с момента своего возникновения в период Французской буржуазной революции основывается на следующих принципах: 1) исключение компетенции судов общей юрисдикции по рассмотрению и разрешению публично-правовых споров; 2) учреждение специализированных органов государственной власти в рамках административной организации наподобие судов общей юрисдикции для осуществления функции контроля за деятельностью администрации посредством особого процесса рассмотрения и разрешения публично-правовых споров между частными лицами и административными органами» [3, с. 72].

Если в Германии сильна связь с судебным процессом, то во Франции административная юстиция долгое время воспринималась как часть самой администрации, совершенствующей свою деятельность через правовую оценку. Это накладывает отпечаток и на стадию исполнения, где традиционно сильны механизмы диалога и внутреннего административного воздействия, а роль суда может быть более опосредованной, но оттого не менее авторитетной. Добавление Франции к Германии позволит показать, что даже при общности следственных начал и специализации, исторический контекст и институциональное устройство порождают нюансы в подходах к обеспечению исполнимости решений, например, в использовании таких инструментов, как периодический штраф или в процедурах повторного обращения в суд при бездействии администрации.

Для завершения картины и анализа адаптации классической англосаксонской модели к вызовам современного административного государства логично обратиться к опыту Великобритании. «Теоретической основой формирования англосаксонской модели административного судопроизводства послужила доктрина господства права, суть которой состоит в подчинении правителей государства нормам общего права в форме закона, обычая и судебного прецедента» [4, с. 189]. Органами власти, обеспечивающими господство права во всех сферах общественной жизни, являются королевские суды, которые наделены компетенцией по рассмотрению и разрешению дел как в сфере частного, так и публичного права по правилам гражданского судопроизводства в отличие от стран системы континентального права (Франция, Германия). Вследствие этого английская правовая доктрина уклонилась от построения основ теории административного судопроизводства, поскольку подобные построения подрывали бы незыблемость фундаментальных постулатов доктрины господства права.

С научной точки зрения британская модель примечательна своим гибридным характером, соединяющим классические каноны общего права с отдельными чертами специализированной юрисдикции. При сохранении основополагающих начал состязательности и верховенства судов общей юрисдикции в правовой системе Соединенного Королевства сложилась развернутая структура административных трибуналов, которая претерпела масштабное реформирование в начале нынешнего столетия. Данное институциональное преобразование, вкупе с эволюцией процедур

судебного пересмотра (judicial review), сформировало уникальную конфигурацию механизмов, обеспечивающих контроль за деятельностью публичной администрации. В частности, процессуальный режим, гарантирующий фактическую исполнимость вынесенных решений, дифференцируется в зависимости от того, исходит ли акт от Высокого суда либо от специализированного квазисудейского органа. Эволюция подхода, свойственного Великобритании, наглядно показывает, как традиционная система общего права адаптируется к современным вызовам, связанным с потребностью в эффективном и оперативном рассмотрении массовых публично-правовых споров. В рамках этой адаптации находит свое выражение поиск процессуального баланса между исторически обусловленной ограниченной активностью суда и императивом обеспечения действенной судебной защиты. Сравнительный анализ американской и британской систем позволяет выявить разнообразные институциональные ответы правопорядков общего права на единые по своей природе проблемы обеспечения законности в сфере государственного управления.

Проведенный сравнительный анализ ключевых зарубежных правопорядков – Германии, Франции, США и Великобритании – в аспекте судебного контроля за исполнением решений позволяет выявить не только их внутренние различия, но и провести содержательную демаркацию между этими моделями и российской системой административного судопроизводства. Эта демаркация носит не случайный, а системный характер, вытекающий из различий в историческом генезисе, процессуальной философии и институциональном дизайне.

Наиболее принципиальное отличие заключается в глубине судебного контроля на стадии исполнения. В рассмотренных зарубежных юрисдикциях, несмотря на все различия между континентальной и англосаксонской традицией, суд обладает арсеналом специфических инструментов, позволяющих ему активно влиять на поведение публичной администрации после вынесения решения. Речь идет не об общих исполнительных механизмах, а о специальных санкциях, адресованных именно государственному органу как особому субъекту обязанности. Периодический штраф (астрент) во Франции, судебный штраф в Германии, процедура неуважения к суду или взыскание убытков за неисполнение в США и Великобритании – все это инструменты, которые носят не компенсационный, а прежде всего принудительно-обеспечительный характер. Их цель – преодолеть институциональную инерцию или сопротивление администрации, создавая для нее постоянное финансовое или репутационное давление. В российском же процессе, несмотря на провозглашенный принцип активности суда, инструментарий для обеспечения исполнения судебных актов против публичных органов остается, по сути, гражданско-процессуальным (исполнительный лист, штраф по КоАП РФ за неисполнение, который, однако, применяется не самим судом, рассмотревшим дело, а в отдельном производстве). Отсутствие у суда первой инстанции прямого и оперативного полномочия налагать прогрессирующие имущественные санкции (подобные астренту) за каждый день просрочки оставляет его в позиции относительно пассивного наблюдателя, вынужденного реагировать на новые обращения взыскателя, а не упреждать и минимизировать само нарушение.

Второе существенное различие лежит в плоскости доктрины судебного контроля. Практика проверки целесообразности административного акта, пусть и в ограниченных рамках, в Германии, Франции и отчасти в англосаксонских странах, указывает на более широкое понимание судебной функции. Суд оценивает не только формальную законность, но и соразмерность, разумность и баланс интересов в конкретном случае. Эта проверка логично проецируется и на стадию исполнения: если суд вправе оценить целесообразность первоначального решения, то он в большей степени ощущает ответственность и обладает

легитимностью для контроля за тем, как его собственная правовая оценка воплощается на практике. В российской доктрине и практике доминирует принцип проверки исключительно законности, а целесообразность остается прерогативой исполнительной власти. Это сужает концептуальные основания для последующего активного процессуального руководства судом процессом исполнения, который воспринимается как техническая, а не правосубъектная деятельность.

Третье отличие связано с интеграцией примирительных и досудебных процедур. Во всех рассмотренных странах альтернативные методы урегулирования споров (медиация, переговоры) не просто существуют, а являются глубоко встроенным, а иногда и обязательным элементом административно-юстиционной архитектуры. Они выполняют функцию фильтра и разгрузки судов, но что важнее – создают культуру диалога и поиска взаимоприемлемых решений между гражданином и государством. Указанный диалог не прекращается и после оглашения судебного решения, что способно облегчить его добровольную реализацию. В российских условиях, несмотря на относительно недавние законодательные новеллы, примирительные процедуры по делам, возникающим из публично-правовых отношений, носят по большей части декларативный и периферийный характер. Их недостаточное развитие косвенным образом укрепляет конфронтационную модель, при которой судебный акт воспринимается администрацией не как повод для диалога по вопросам его реализации, а как сугубо императивное предписание, подлежащее формальному (нередко – с задержкой) исполнению.

Следовательно, основополагающий вывод для российской правовой системы состоит в том, что отличия коренятся не столько в отдельных нормативных предписаниях, сколько в целостной конструкции взаимоотношений «суд – администрация». Зарубежные правопорядки (особенно континентальные) выстраивают данные отношения как непрерывную процессуальную связь, в рамках которой суд сохраняет авторитетное процессуальное руководство вплоть до момента полного и фактического восстановления нарушенного права. Российская модель, формально заимствуя элементы континентальной семьи (специализация судей, следственные начала), на критической стадии исполнения тяготеет к более обособленной и формальной схеме, где суд и исполнительное производство разделены. Преодоление этого разрыва, возможно, требует не столько копирования конкретных инструментов вроде астрента, сколько переосмысления роли суда как гаранта не просто провозглашения, а реального обеспечения прав, что предполагает наделение его новыми процессуальными полномочиями по сопровождению и принуждению в рамках единого административного дела.

Исходя из результатов сравнительно-правового анализа, совершенствование российской модели административного судопроизводства требует консолидации стадий вынесения и принудительной реализации судебного акта. Для формирования института судебного сопровождения исполнения целесообразно законодательно закрепить за судом, разрешившим дело, специальные полномочия по последующему контролю и оперативному применению обеспечительных мер в отношении публичных органов-должников. Это предполагает введение в Кодекс административного судопроизводства РФ процессуального инструмента, аналогичного астрента, налагаемого судом по своей инициативе при просрочке исполнения, а также установление процедуры судебного истребования мотивированных отчетов о ходе реализации решения. Указанные изменения, дополненные легализацией проверки соразмерности оспариваемых действий в рамках стандарта судебного пересмотра, преобразуют роль суда из пассивного арбитра в активного гаранта фактического восстановления публично-правового статуса, обеспечивая конституционное право на эффективную судебную защиту.

Список литературы:

1. Maier, Ch. Der Weg zu einer eigenständigen Verwaltungsgerichtsbarkeit in der Russischen Föderation. Probleme des Verwaltungsschutzes in modernen Russland / Ch. Maier // Duncker & Humblot GmbH. Berlin, 2015. S. 30.
2. Карумкарян, Д. Т. Административная юстиция США : дис. ... канд. юрид. наук / Д. Т. Карумкарян. – Омск, 2013. – С. 41.
3. Шарвен, Р. Юстиция во Франции. Судебный аппарат и классовая борьба / Р. Шарвен; пер. с фр. – М., 1978. – С. 72.
4. Шмелев, И. В. Особенности процесса пересмотра административных актов в административном суде Великобритании / И. В. Шмелев // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2021. – № 10. – С. 189.

References:

1. Maier, Ch. *Der Weg zu einer eigenständigen Verwaltungsgerichtsbarkeit in der Russischen Föderation. Probleme des Verwaltungsschutzes in modernen Russland* / Ch. Maier // Duncker & Humblot GmbH. Berlin, 2015. P. 30.
2. Karumkaryan, D. T. *Administrative Justice in the USA*: Diss. ... Cand. Jurid. Sci. / D. T. Karumkaryan. – Omsk, 2013. – P. 41.
3. Charvin, R. *Justice in France: The Judicial Apparatus and Class Struggle* / R. Charvin; trans. from French. – Moscow, 1978. – P. 72.
4. Shmelev, I. V. Specifics of the Process of Reviewing Administrative Acts in the Administrative Court of Great Britain / I. V. Shmelev // *Theory and Practice of Social Development*. – Krasnodar, 2021. – No. 10. – P. 189.